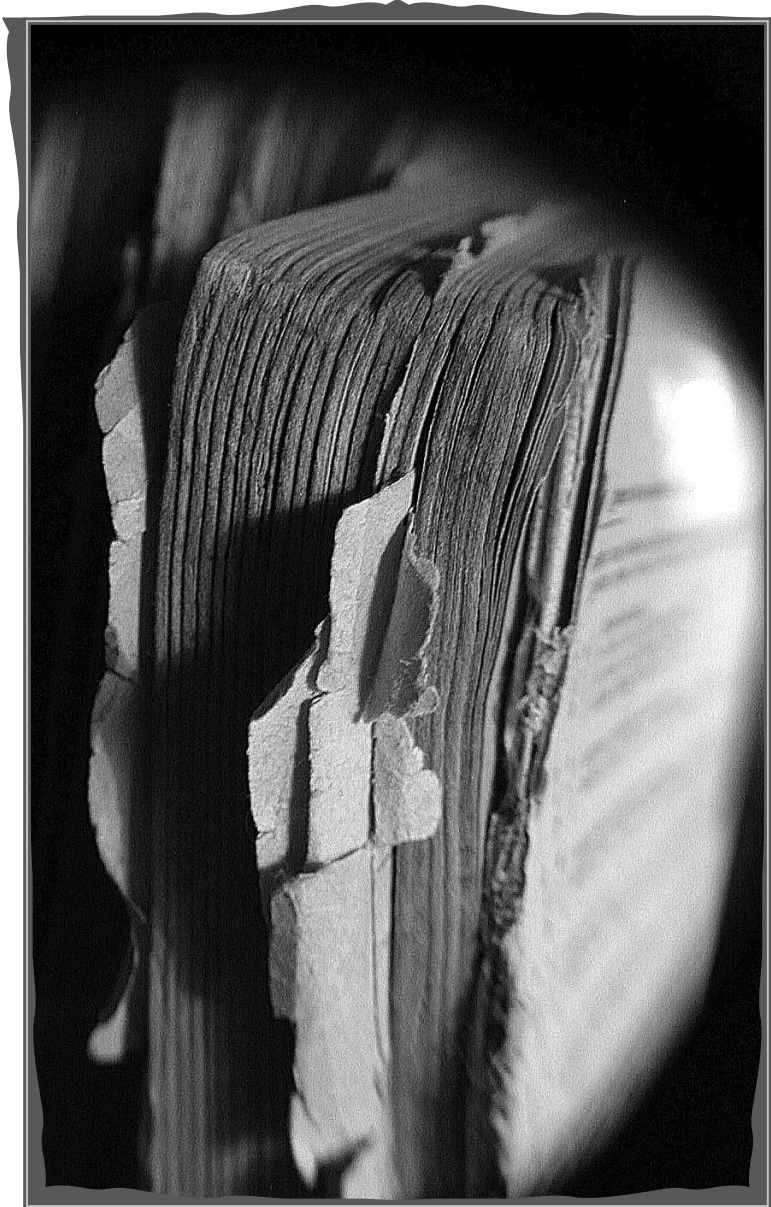

поминающа. кетощи сердто
здмѣтн. пасыгтѣоіаіа. т
ѣтпорквыннбѣтпостпапнѣт
етѣлаі кийсп
постп **МУДРЕЦЫ** онѣтп
дрѣж **и ПРОРОКИ** ткоена
чбѣно мнѣт
ѡ кемже нпѣшпѣтпн шеттѣа
іемли прѣсло кнпрѣлнпѣж
лнпрахѣ. трнлепнхѣжеѣго

ПРИТЧИ
и
СКАЗКИ
РУССКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

ОГИЗ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 398
ББК 82.3(0)
П77

П77 **Притчи и сказки русских писателей.** — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 320, [32] с. : ил. — (*Мудрецы и пророки*).

ISBN 978-5-17-103304-0

Факт малоизвестный, но между тем, помимо литераторов, притчи и сказки писали историки. Например, Карамзин, Ключевский и Костомаров крайне искусно пользовались ветхозаветной стилистикой для изложения нравоучительных историй, которые мы сегодня называем притчами.

В настоящее издание вошли притчи и сказки русских писателей от вышеупомянутого Николая Карамзина и ныне изрядно подзабытого Ивана Киреевского до писателей Серебряного века Алексея Ремизова и Александра Куприна.

Редакция не без оснований полагает, что читателей этой книги ждут открытия и философского свойства и мистические, и нравственные.

УДК 398
ББК 82.3(0)

ISBN 978-5-17-103304-0

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

СКАЗАНИЕ О ПОХОЖДЕНИИ
И ХРАБРОСТИ, ОТ МЛАДОСТИ
И ДО СТАРОСТИ ЕГО БЫТИЯ,
МЛАДОГО ЮНОШИ И ПРЕКРАСНОГО
РУССКОГО БОГАТЫРЯ,
ЗЕЛО ПОСЛУШАТИ ДИВНО,
ЕРУСЛАНА ЛАЗАРЕВИЧА

Бысть во царстве царя Картауса Картаусовича дядюшка его, князь Лазарь Лазаревич, а жена у него Епистимия, а сына родила Еруслана Лазаревича.

И как буде Еруслан Лазаревич четырех лет по пятому году, и стал ходить на царев двор и шутить шутки не гораздо добрые: кого хватит за руку — у того рука прочь, кого хватит за голову — у того голова прочь, кого хватит за ногу — у того нога прочь. И тут промеж себя князи, и боляре, и сильные гости учали совет сотворяти: «Пойдем мы бити челом к царю Картаусу Картаусовичу и речем ему: «Есть у тебя, царь, дядюшка — князь Лазарь Лазаревич, а у него сын Еруслан Лазаревич, и ходит он к царю на двор, и шутит шутки с нашими детьми не гораздо добрые: кого хватит за голову — у того голова прочь, кого хватит за ногу — у того и нога прочь»». [Как решили, так и сотворили.]

И [тогда] возговорит царь Картаус ко своему дядюшке:

— Гой еси, дядюшка Лазарь Лазаревич! Есть у тебя сын Еруслан Лазаревич, и он ходит ко царю на двор, и шутит шутки не гораздо добрые, и сын твой во царстве ненадобен, лучше его вон выслать из царства.

[Так] князь Лазарь Лазаревич услышал от царя Картауса Картаусовича себе слово кручинное, поехал от царя невесел, повесил свою буйну главу ниже плеч своих. [Вдруг навстречу ему] сын его Еруслан Лазаревич, не доезжаячи [до] отца своего, слазит с добра коня богатырского, бьет челом о сыру землю:

— Многолетное здравие государю моему батюшке князю Лазарю Лазаревичу! Как тебя, государя моего, Бог милует, что ты от царя невесел едешь? Или тебе у царя место было не по обычаю, или тебе от царя было слово кручинное?

И говорит ему князь Лазарь Лазаревич:

— Место мне у царя было по обычаю, стольники и чашники доходили до меня; одно мне [в кручину] — от царя было слово кручинное. Когда бывают дети отцу и матери на потеху, а под ста-

рость на перемену и по смерти [для] поминок; а ты мне, дитятко, смолода не на потеху, а под старость не перемена, а по смерти не поминок! Да ходишь ты, дитятко, ко царю на двор и шутишь шутики не гораздо добрые: когохватишь за руку — у того рука прочь, когохватишь за голову — у того голова прочь, когохватишь за ногу — у того нога прочь; и на тебя князья и боляра били челом; царь тебя из царства велел вон выслать.

И Еруслан Лазаревич, стоячи, усмехнулся, а сам говорит таково слово:

— То мне, государь батюшка, за обычай, что хотят меня из царства вон выслать; одна на меня кручина, батюшка, великая: ходил я по твоим стойлам и по конюшням, во аргамаках, и в конях, и в жеребцах не мог себе лошадки vybrати, коя бы мне по обычаю и могла бы мне послужить.

И тут сел Еруслан Лазаревич на своего доброго коня, и поехал ко двору своему, и приехал в дом отца своего, учал проситься у отца своего и у матери в чистое поле гулять. И отец князь Лазарь Лазаревич, и матери его Епистимия отпускают его, и дают ему двадцать отроков, пятьдесят мудрых мастеров, и велели делать близ моря каменную палату. И тут мастера при море каменную палату сделали в три дни и гонца послали; и гонец посланные речи сказал, что-де та палата сделана на берегу моря. И тут Еруслан Лазаревич учал у отца своего и у матери просить благословения, и они его благословили; и поехал Еруслан Лазаревич в каменную палату, и отец его отпускает за ним наряду, и имения многое множество, и злата, и сребра, и скатного жемчуга, и камня драгого самоцветного, и всякого обилия много, отпустил ему коней добрых довольно, на службу ему дал сто отроков избранных и вооруженных.

А Еруслан Лазаревич не емлет себе ни единого отрока и пенязя отцовы казны. Ни единого пенязя, ни скатного жемчугу, ни драгого камня, ни добрых коней и ни единого себе отрока, и все отпустил назад, только себе взял седло черкасское, да узду тасмянную, да войлочки косящатые.

Приехал Еруслан Лазаревич к морю, и вошел в белокаменную палату, и постлал под себя войлочки косящатые, а в головы положил седло черкасское да узду тасмянную и лег опочивать. А поутру встал Еруслан Лазаревич рано, учал ходить по диким заводям и по губам морским, и учал гусей и лебедей стреляти и серых птиц и тем себя кормил. И ходил Еруслан Лазаревич месяц, и другой, и третий, и нашел [на] сокму: в ширину та сокма пробита, как доброму стрельцу стрелить, в глубину та сокма пробита, как доброму коню скочить. И стоячи на той сокме, Еруслан удивился и говорит таково слово:

— Кто-де по сей сокме ездит?

Вдруг [видит], по той сокме ездит богатырь, стар человек, конь под ним сив — Алогти-Гирей. Увидел стар человек молодого юношу и слазил с своего с добра коня, бьет челом о сыру землю:

— Многолетное здравие государю моему Еруслану Лазаревичу! Как тебя, государя моего, Бог милует? Почто ты, государь, в сие место, в таковую пустыню, заехал, и кои тебя ветры завяели?

И говорит ему Еруслан Лазаревич:

— Брате стар человек! Почему ты меня знаешь и именем называешь?

И говорит ему стар человек:

— Государь мой, Еруслан Лазаревич! Как мне тебя не знать и именем не называть: я старый слуга отца твоего, стерегу в поле лошадиное стадо тридцать три лета и езжу к отцу твоему поодина на год поклониться и жалованье беру; и аз тебя знаю.

И говорит ему Еруслан Лазаревич:

— Братие стар человек! Как тебя по имени зовут, и мне бы тебя добром пожаловать!

И говорит ему стар человек:

— По имени зовут меня, государь, Ивашко, сивый конь. Алогти-Гирей, гораздый стрелец, сильный борец, в полку богатырь.

И говорит ему Еруслан Лазаревич:

— И я сюда зашел волею: похотел в поле казаковать, и горести принять, и желание получить. Яз теперь ребенок млад, учал с неразумия играть во дворе с боярскими детьми и с княженецкими, и шутки шутить учал не гораздо добрые, и царь того не залюбил — велел меня из царства вон выслать. Да то мне не кручина, что велел меня царь из царства вон выслать, только одна кручина велика, что ходил я у отца своего по стойлам и по конюшням, [но] во аргамаках и в жеребцах не мог себе выбрать лошади, коя б мне могла послужить.

И говорит ему Ивашка, сивый конь Алогти-Гирей, гораздый стрелец, сильный борец, в полку богатырь:

— Государь Еруслан Лазаревич! Есть у меня конь сив [космат], и буде его поймаешь, и он тебе будет служить; а буде ты его не поймаешь, и тебе его вовеки не видать.

И говорит ему Еруслан Лазаревич:

— Братие Ивашко! Как мне того видети коня?

И говорит ему Ивашко:

— Государь Еруслан Лазаревич! Видети того жеребца поутру рано на заре, как погоню на море поить лошадей.

И Еруслан Лазаревич лег почивать в каменной палате, и, поутру рано встав, Еруслан Лазаревич пошел на сокму и взял с собою

узду тасмянную и встал в сокровенном месте под дубом. Ивашко лошадей к морю пригнал, и Еруслан Лазаревич посмотрел на море [и видит]: когда жеребец пьет, на море волны встают, под дубом орлы кричат, по горам змеи свищут, и никакой человек на сырой земле стояти не может. И Еруслан Лазаревич ударил наотмашь, и конь доброй пал на окорачки, и хватает его Еруслан Лазаревич, добра коня, за гриву, и наложил на добра коня узду тасмянную, и повел его к палате белокаменной; а Ивашка за ним поехал.

И приехал Еруслан Лазаревич к палате белокаменной, и учал седлать того жеребца, обседала и учал поезживать; и рад бысть вельми, что ему служить может.

И говорит Еруслан Лазаревич:

— Брате Ивашко, сивой конь Алогти-Гирей, сильный борец, гораздый стрелец, в полку богатырь! Как жеребцу имя дать и как его назвать?

И говорит ему Ивашка, сивый конь:

— Государь Еруслан Лазаревич! Когда может холоп прежде государя такову животу имя дать или как его назвать?

И назвал его Еруслан Лазаревич, добра коня, Арашем вещим.

И говорит Еруслан Лазаревич:

— Брате Ивашко, поедь ты ко отцу моему и к матери, и исправь им от меня челобитье, и скажи им, что поехал в чистое поле гулять и изъезжать князя Ивана русского богатыря, и доброго коня себе добыл, что может ему послужити.

— И говорит Ивашка:

— Государь мой Еруслан Лазаревич! Поезжай с богом.

И Еруслан Лазаревич поехал ступью бредучею, а Ивашка провозжал его и поехал за ним во всю пору лошадиную, и Еруслан Лазаревич опередил Ивашка и из очей у него выехал.

А Ивашка воротился от Еруслана прочь, и поехал ко царству царя Картауса Картаусовича и ко князю Лазарю Лазаревичу, и сказал ему от Еруслана посланные речи, и куда он поехал, и что добра коня себе добыл, что тот конь может ему послужить. И отец его князь Лазарь Лазаревич, и матери его Епистимия о сыне своем возрадовались о том, а Ивашка честно дарили великими дарами и отпустили его в чистое поле к своей службе, где ему прежд дано приказанье у коней.

А Еруслан Лазаревич поехал в чистое поле. И ехал месяц, и другой, и третий, [и вот] наехал Еруслан Лазаревич в чисто поле рать силу побитую, и въехал Еруслан Лазаревич в тое ратное побоище, и крикнул громко голосом:

— Есть ли в сей рати жив человек?

И говорит ему жив человек:

— Государь Еруслан Лазаревич! Кого ты спрашиваешь или кто тебе надобен?

И говорит ему Еруслан Лазаревич:

— Брате жив человек! Чья рать сила побитая и кто ее побивал?

И говорит ему жив человек:

— Государь Еруслан Лазаревич! Та рать-сила побитая лежит Феодула царя змия, а побивал ее князь Иван русский богатырь, а [требуется] у него прекрасную царевну Кондурию Феодуловну, а желает ее за себя взять неволею.

И говорит ему Еруслан Лазаревич:

— Брате жив человек! Далече ли его [догонять]?

И говорит ему жив человек:

— Государь Еруслан Лазаревич! Недалече его доезжать, князя Ивана русского богатыря: объесть ты сию рать-силу побитую, и уведает конный след.

И Еруслан Лазаревич объехал рать-силу побитую и нашел ступь конскую, ископывать, — скакано с горы на гору, доли и подолки вон выметываны. И Еруслан Лазаревич поехал тем же путем и стал скакать с горы на гору, доли и подолки вон выметывал; и говорит сам себе: «Конь коня лучше, а молодец молодца и по-давно удалее!»

И едет месяц, и другой, и третий, и наехал в чисте поле шатер стоит, а у бела шатра добрый конь стреножен, на белой [кошме ест] белоярую пшеницу. И Еруслан Лазаревич припустил добра коня Араша вещего к тому же корму, а сам пошел в бел шатер, видит: в белом шатре опочивает млад молодец замертво. И Еруслан Лазаревич вынул саблю булатную и хочет его скорой смерти предати; а сам себе подумал: «Не честь мне будет, не хвала, что сонного убить: сонный человек аки мертвый». И Еруслан Лазаревич лег опочивать в шатре на другой стороне и уснул крепко. И князь Иван русский богатырь пробудился и вышел из шатра вон, и посмотрел на свой добрый конь, а его добрый конь далече отбит и щиплет траву в чистом поле, а на белой кошме чуж конь незнаем и ест белоярую пшеницу. И князь Иван русский богатырь вошел в шатер и посмотрел, а в беле шатре, на другой стороне, спит млад молодец; и князь Иван русский богатырь вынул саблю булатную и хочет его смерти предать, а сам себе подумал: «Не честь мне будет, не хвала молодецкая сонного человека убить: сонный человек аки мертвый». Учал будить:

— Встань, человек, пробудись — не для ради моего бужения, для ради своего спасения! Не ведаешь, что не по себе товарища избираешь. За то рано напрасною смертью умрешь! За что лошадь свою

к чужому корму припущаешь, а сам, не спросясь, в чужой шатер ходишь? За то люди напрасно много крови проливают. И как еси тебя зовут по имени, и откуда едешь, и какого отца сын?

И говорит ему Еруслан Лазаревич:

— Господине князь Иван русский богатырь! Яз еду от Картаусова царства, отец у меня князь Лазарь Лазаревич, а мати у меня Епистимия, а меня зовут Ерусланом; а добра коня к чужому корму припустил, что ему стоять без корму не годится, а твоего коня прочь не отбивал. Что ты говоришь, то не гораздо ладно: когда бывают люди добрые, [то] и они прежде худых речей пьют и едят, и потешаются, и в чисте поле разъезжаются. Есть ли у тебя, князь Иван русский богатырь, чем воду черпати?

И говорит ему князь Иван русский богатырь:

— Есть у меня чара, чем воду черпати.

И говорит ему Еруслан Лазаревич:

— Князь Иван русский богатырь! Когда тебе есть чем воду черпать, ты почерпни воды и умойся, да и мне подай.

И говорит князь Иван русский богатырь:

— Еруслан Лазаревич! Тебе воду черпати да и мне подавать, ибо ты дитя молодое.

А в те поры Еруслан Лазаревич шести лет, по седьмому году пошло. И говорит Еруслан Лазаревич:

— Князь Иван русский богатырь! Тебе воду черпать да и мне подавать: не поймав, птицу беребишь, а добра молодца, не отдавав, хулишь и хулу возлагаешь.

И говорит Иван русский богатырь:

— Я во князьях князь, а в боярах боярин, а ты казак: тебе воду черпать и мне подавать.

И говорит ему Еруслан Лазаревич:

— Яз в чистом поле богатырь и у царей во дворе богатырь, а ты, когда у царей во дворе, и тогда ты князь, а когда ты в чисте поле, и тогда ты пес, а не князь; тебе воду черпать и мне подавать.

И видит князь Иван неминуемую беду, взяв чару, почерпывает воду, и сам умылся, да и ему подал, и Еруслан Лазаревич умылся. И садились они на своих добрых коней, и князь Иван русский богатырь поехал во всю пору лошадиную, а Еруслан поехал ступью бредучею; и понадогнал Еруслан Лазаревич, и ударил своего доброго коня Араша вещею по окорокам, и опередил князя Ивана русского богатыря, и помолился:

— Боже, Боже, Спас милостив! Дай мне, Господи, всякого человека убить копьем, тупым концом!

И оборотил Еруслан свое долгомерное копье тупым концом, и ударил князя Ивана русского богатыря долгомерным своим

копьем и вышиб его из седла вон; и Араш, его вещей конь, наступил на доспешное ожерельице. И обратил Еруслан Лазаревич свое копье долгомерное острым концом, и хочет его смерти предать. И говорит ему князь Иван русский богатырь:

— Государь Еруслан Лазаревич! Подай смерти, дай живот: преж сего у нас брани не бывало, а и впредь не будет.

И Еруслан Лазаревич слазит с добра коня, и принимает его за правую руку, и целует его во уста сахарные, и называет его братом. И поехал Еруслан Лазаревич ко белу шатру, и брат его за ним; и припустили своих добрых коней ко одному корму, а сами пошли в бел шатер, и учал и нити, и нети, и веселиться; и как будут оба на веселие, и говорит ему Еруслан Лазаревич:

— Крате князь Иван русский богатырь! Ехал я в чисто поле, и наехал я [на] две рати — побитые лежат, и кто их побивал?

И говорит князь Иван русский богатырь:

— Та рать-сила побитая Феодула царя змия, а побивал яз, а [добываюсь] у него яз прекрасные царевны Кондурии Феодуловны, что ее краше на свете нет; и в завтра у меня будет останошный бой. И ты, Еруслан Лазаревич, встань в сокровенном месте и посмотри моей храбрости.

И потешався, легли спать; и поутру, встав рано, князь Иван русский богатырь оседлал своего доброго коня и поехал в чистое поле; а Еруслан Лазаревич пошел пеш, встал в сокровенном месте и учал смотреть: и как приедет на князя Ивана русского богатыря Феодул царь змий, а с ним конных и вооруженных отроков 30 000 по морю и по берегу. И не ясен сокол напутается на гуси, на лебеди — напускается Иван русский богатырь на рать Феодула царя змия, и побил, и присек, и конем притоптал 20 000 и самого Феодула царя змия убил: и которые остались люди малые и старые, и некому против Ивана русского богатыря битися. И взял князь Иван русский богатырь прекрасную царевну Кондурию Феодуловну, и повел ее к своему шатру, а достальняя сила Феодула царя змия воротилась к своему царству.

И привел князь Иван русский богатырь в бел шатер Кондурию Феодуловну, а Еруслан Лазаревич за ним тут же пришел в шатер, и учал и нити, и нети, и веселиться. И лег опочивать Иван русский богатырь, а Еруслан из шатра вон вышел.

И говорит князь Иван русский богатырь:

— Милая моя, прекрасная царевна Кондурия Феодуловна! Для тебя яз со отцом твоим великую брань сотворил и отца твоего убил, а силы прибил и присек, и конем притоптал больше 51 000 все для тебя. Есть ли тебя на свете краше, а моего брата Еруслана храбрее и сильнее?

И говорит ему царевна Кондурия:

— Государь Иван русский богатырь! Кровь отца моего и воинских людей не по красоте моей пролита, но по грехам: я, государь, что за красна! А есть, государь, в чисте поле, в беле шатре три девицы царя Богрия, а по именам зовут их: большая Прондора, а середняя — Мендора, а меньшая Легия: и которая, государь, пред ними предстоящая последняя [служанка] стоит день и ночь, и та вдесятеро меня краше; а яз что за красна и хороша! Когда я была у отца своего и у матери, тогда была красна и хороша; а теперь полоняное тело: волен Бог да и ты со мною. А есть, государь, под индейским царством служит у царя Далмата человек, а зовут его Иваном Белая Япанча, а слыхала яз от отца своего, уже он стережет в чисте поле на дороге 33 лета, а во царство мимо его никаких богатырь не проезживал, ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала; а яз, государь, брата твоего Еруслана Лазаревича храбрости не видала и не слыхала — кой у них храбрее.

И Еруслан Лазаревич все то слышал, и богатырское сердце не утерпчиво: входит в бел шатер, образу божию молится, брату своему поклоняется, и с ним прощается, и садится на своего добра коня, и поехал в чистое поле гулять ко индейскому царству, поклониться царю Далмату да свидеться со Ивашком Белой Япанчой.

И едет месяц Еруслан Лазаревич, месяц, и другой, и третий, а сам себе подумал: «Поехал я-де в дальнюю страну, а не простился я ни со отцом, ни с матерью, и не видели они меня, как ежду на добром коне». И воротился Еруслан Лазаревич во царство царя Картауса Картаусовича, и ко отцу своему и к матери; и едет месяц, и другой, и третий, и доехал до царства царя Картауса Картаусовича, а под царством царя Картауса стоит Данило Белый князь, а с ним войска 90 000, и похваляется царство за щитом взять, и царя Картауса взять жива, и князя Лазаря Лазаревича, и двенадцать богатырей.

И увидел Еруслан Лазаревич под царством рать-силу великую и подступить к бою нечем: нет у Еруслана ни щита крепкого, ни копья долгомерного, ни меча острого. И поехал Еруслан Лазаревич ко двору и ко градной стене, и видели его, что едет Еруслан, и отворили ему ворота градные. [Видит Еруслан], отец его ездит во объезжих головах; и Еруслан Лазаревич, не доезжаючи отца своего, слазит с добра коня, бьет челом о сыру землю:

— Многолетнее здравие государю моему батюшке князю Лазарю Лазаревичу! Как тебя, государя моего, Бог милует, и что ты, государь, едешь невесел, кручиноват?

И говорит князь Лазарь Лазаревич:

— Дитятко мое милое, Еруслан Лазаревич! Как быть мне веселу? Приехал под наше царство князь Данило Белый, а с ним войска 90 000 конных и вооруженных; и похваляется царство наше за щитом взять, а царя Картауса и 12 богатырей хочет к себе взять.

И говорит Еруслан Лазаревич:

— Государь мой батюшка князь Лазарь Лазаревич! Пожалуй ты мне свой крепкий щит и копые долгомерное, и яз учну с татары дело делать.

И говорит ему князь Лазарь Лазаревич:

— Дитятко мое милое, Еруслан Лазаревич, ты дитятко молодое, не бывал на деле ратном, и услышишь свист татарский, и ты устрашишься их, и они тебя убьют.

И говорит ему Еруслан Лазаревич:

— Не учи, батюшка, гоголя на воде плавать, а богатырского сына с татары дело делать.

И дает ему Лазарь Лазаревич свой крепкий щит и копые свое долгомерное, и Еруслан Лазаревич емлет щит под пазуху, а копые в руку; и выехал Еруслан Лазаревич в чистое поле гулять, и учал побивать рать-силу князя Данила Белого, и прибил, и присек рать-силу татарскую и поймал самого князя Данила Белого и взял на него клятву, что ему, князю Данилу Белому, ни детям его, ни внучатам под царство царя Картауса не приходиться; а как придет опять под царство царя Картауса, и как выдаст бог в руки, и ему живому не быть. И отпустил его во свою землю, ко граду его; а войска только осталось 2000.

Как едет Еруслан Лазаревич ко царству Картаусову, и встречает его сам царь Картаус за градом, и Лазарь Лазаревич, и 12 богатырей; и Еруслан Лазаревич, не доезжаяючи отца своего и царя Картауса, слазит с своего добра коня, бьет челом о сыру землю:

— Многолетное здравие царю Картаусу и государю моему батюшке князю Лазарю Лазаревичу! Как вас, государей моих, Бог милует?

И говорит царь Картаус:

— Виноват я, Еруслан Лазаревич, пред тобою, что велел тебя из царства вон выслать; и ныне ты живи у меня во царстве и емли города с пригородками и с красными селами; казна тебе у меня не затворена, а место тебе подле меня, а другое — против меня, а третье, — где тебе любо.

И говорит ему Еруслан Лазаревич:

— Государь царь Картаус! Не надобе мне твоего ничего, и не повадился я у тебя во царстве жить: повадился я в чисте поле казаковать.

И прикушал Еруслан Лазаревич хлеба маленько у царя, и простился со царем и со отцом своим и с матерью, со всем царством и поехал в чистое поле, и ехал полугодичное время, и наехал в чисте поле шатер, а в беле шатре три девицы сидят: Прондора, да Мендора, да Легия — царевны, дочери царя Богрия; таковых прекрасных на свете нет, а делают ручное дело. И тут Еруслан Лазаревич входит в бел шатер, забыл образу Божию молиться, сердце его разгорелось, юность его заиграла: и берет себе большую сестру, прекрасную царевну Прондору за руку, а тем сестрам велел из шатра вон выйти, а сам говорит ей:

— Милая моя, прекрасная царевна Богриевна! Есть ли на сем свете тебя краше, а меня храбрее?

И говорит ему прекрасная царевна Прондора:

— Государь Еруслан Лазаревич, что я за красна! Когда я была у отца своего и у матери, тогда яз была и красна и хороша, а нонече яз полоняное тело. А есть, государь, под индейским царством, у царя Далмата, человек, а зовут его Ивашко, а прозвище Белая Япанча, а стоит в чисте поле на дороге, мимо его никакой человек не прохаживал, ни богатырь не проезживал, ни зверь не прорыскивал. А ты что за храбр? Обычная твоя храбрость — что ты нас, девок, разогнал.

И стал Еруслан Лазаревич, и взял острую саблю свою, и отсек ей голову да и под кровать бросил; и емлет себе вторую сестру, Мендору, и говорит ей Еруслан Лазаревич:

— Милая, прекрасная Мендора Богриевна! Есть ли на сем свете тебя краше, а меня храбрее?

И она ему те же речи сказала, и он ей главу отсек и под кровать бросил. И емлет третью девицу, Легию, к себе и говорит ей:

— Милая моя, прекрасная царевна Легия! Есть ли тебя на сем свете краше, а меня храбрее?

И говорит ему Легия-девица:

— Государь Еруслан Лазаревич! Яз что за красна и хороша! Когда была я у отца своего во царстве, тогда я была красна и хороша, а ныне полоняное тело. [Какой же] ты от меня красоты захотел? А есть, государь, под индейским царством, у царя Далмата, человек, а зовут его Ивашко, а прозвище Белая Япанча, а стоит он на дороге в чисте поле, мимо него никаков богатырь не проезживал, ни зверь не прорыскивал, и никаков человек не прохаживал, ни птица не пролетывала; а я не ведаю, кой [из вас] храбрее и сильнее. Да есть, государь, во граде Дербие, у царя Варфоломея царевна Настася, которая, государь, перед ней предстоящая [служанка], и та вдесятеро меня краше.

И тут Еруслан Лазаревич говорит ей таково слово:

— Милая моя, прекрасная царевна Легия! Живи ты в чисте поле, не бойся никого, а сестер своих схорони.

И Еруслан Лазаревич сел на своего доброго коня и поехал в чистое поле, ко индейскому царству, ко царю Далмату поклониться да свидеться с Ивашком Белой Япанчей.

И едет Еруслан Лазаревич месяц, и другой, и третий; а в те поры Еруслан Лазаревич седми лет; и доехал — [видит] в чисте поле стоит человек, копьем подпершись, во белой япанче, шляпа на нем сорочинская, и стоячи дремлет. И Еруслан Лазаревич ударил его по шляпе плетью и говорит:

— Человече! Пробудися! Можно тебе и лежа наспаться, а не стоя!

И говорит Ивашка Белая Япанча:

— А ты кто еси, и как тебя зовут по имени, и откуда едешь?

И говорит ему Еруслан Лазаревич:

— Яз еду от Картаусова царства, отец у меня князь Лазарь Лазаревич, а мати у меня Епистимия, а меня зовут Ерусланом; а еду я во индейское царство поклониться царю Далмату.

И говорит ему Ивашка Белая Япанча:

— Брате Еруслан Лазаревич! Преж сего мимо меня не проезживал никаких богатырь, а ты хочешь мимо меня проехать? По-едем в чистое поле и отведаем плеч своих богатырских.

И тут скоро садились на свои добрые кони и поехали в чистое поле гулять; Ивашка поехал во всю пору лошадиную, а Еруслан ступью бредучего; Ивашка заехал наперед.

И Еруслан Лазаревич помолился: «Боже, Боже, Спас милостив! Дай мне, Господи, всякого человека убить копьем, тупым концом!» И ударил Еруслан Лазаревич Ивашку против сердца ретивого копьем, тупым концом, и вышиб из седла вон; и Араш, его вещий конь, наступил на доспешное ожерельице и пригнул к сырой земле; и обратил Еруслан Лазаревич копье острым концом, и хочет его скорой смерти предати. И говорит ему Еруслан Лазаревич:

— Брате Ивашко! Смерти хошь или живота?

И молится Ивашка, лежа на земле:

— Государь Еруслан Лазаревич! Не дай смерти, дай живот! Преж сего у нас брани не бывало, да и впредь не будет.

И говорит ему Еруслан Лазаревич:

— Брате Ивашко! Не убил бы ты, да за то тебя убью, что знают тебя в чисте поле всякие красные девки.

И обратил Еруслан Лазаревич копье острым концом, и предал его смерти, а сам поехал ко индейскому царству поклониться царю Далмату.